

Сергей Лукьяненко

Тени снов

*Часть сборника
Кей Дач (сборник)*

Линия Грез

Сергей Лукьяненко

Тени снов

«АСТ»

1998

Лукьяненко С. В.

Тени снов / С. В. Лукьяненко — «АСТ», 1998 — (Линия Грез)

«Когда поздним вечером я вышел из леса, уставший, голодный, злой, ненавидящий весь мир – и себя самого в придачу, то наткнулся прямо на абори. Туземец сидел на бетонной плите, косо выпиравшей из земли. Эта часть космопорта была давным-давно заброшена, уложенные некогда с таким старанием плиты раскрошились, и трава-конусовка выпихивала их одну за другой. За моей спиной бетон уже превратился в гнилое крошево, даже не напоминавшее продукт человеческих рук. Впереди, ближе к городку, плиты еще держались. Вначале шли волнами – чужая земля неумолимо отвергала их, потом обретали былую прочность...»

© Лукьяненко С. В., 1998

© АСТ, 1998

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Сергей Лукьяненко

Тени снов

Глава 1

Курьеры и спортсмены

1

Когда поздним вечером я вышел из леса, уставший, голодный, злой, ненавидящий весь мир – и себя самого в придачу, то наткнулся прямо на абори.

Туземец сидел на бетонной плите, косо выпиравшей из земли. Эта часть космопорта была давным-давно заброшена, уложенные некогда с таким старанием плиты раскрошились, и травяноконусовка выпихивала их одну за другой. За моей спиной бетон уже превратился в гнилое крошево, даже не напоминавшее продукт человеческих рук. Впереди, ближе к городку, плиты еще держались. Вначале шли волнами – чужая земля неумолимо отвергала их, потом обрели былую прочность.

Абори посмотрел на меня, выпуклые глаза запульсировали, настраивая фокус. Подтянул длинные тонкие ноги, будто опасался, что я сдерну его с плиты.

– Мир и любовь, – буркнул я, обходя плиту с нахохлившимся абори. Это был старый туземец, бурый цвет ложнокожи выдавал преклонный возраст. Такие старожилы частенько раздражаются приступами кашля, а мне совсем не улыбалось оттирать едкую слизь с комбинезона.

– Мир и любовь, – нечленораздельно повторил абори. Я остановился. Туземцы могли лишь копировать речь, но сам факт ответа говорил о желании общаться.

– Хорошо, дружок, я слушаю, – остановившись на безопасном расстоянии, произнес я. Абори сморщил сплюснутый нос и прогнусавил:

– Хорошо... дружок...

Я ждал. К существу, которое говорит носом – просто из желания привлечь твое внимание, стоит быть снисходительным.

Абори отцепил одну руку от плиты, пропихнул ее в складки ложнокожи. Я терпеливо ждал, пока туземец ковырялся в своих внутренностях. Может быть, у него печенка зачесалась...

Абори издал хлопающий звук и вытащил наружу крошечный оранжевый шарик. Протянул его ко мне, перекатывая на ладони.

Жемчужина была хороша!

Нет, не «Рассвет Империи», не «Плазменный цветок». Но полноценная жемчужина первой категории, а это – лет пять безбедного существования для меня.

Или билет на Терру.

Я шагнул к абори – и тот мгновенно спрятал жемчужину в свое тело.

– Вода? – тупо спросил я.

– Вода, – согласился абори.

Им, коренным обитателям планеты, ничего не надо от нас. Совсем ничего. Оружие, техника, одежда, пища – ничего не стоят в их глазах.

Только вода. Совсем немного чистой воды – около литра. Эта цена устраивает всех, и литровую фляжку на поясе носят даже маленькие дети. Все знают, как поступить, если абори протянет тебе жемчужину.

---

¹ Смотрите приложение в конце книги.

Я отстегнул флягу и показал абори. Фляга была легкой, очень легкой.

– Я заблудился, – сказал я. – Понимаешь? В песках заблудился. У меня нет воды.

Абори вздохнул и сполз с плиты.

– Подожди! – крикнул я. – Ну подожди, подожди же ты! Я принесу! Час подожди! Пол-часа!

Я вдруг подумал, что за полчаса успею добежать до ближайшего поста охраны. А там – наполнить флягу, взять флаер – ребята разрешат, и за пару минут вернуться сюда.

Абори уходил.

– Скотина! – крикнул я вслед.

Как всегда, почувствовав угрозу – пусть даже слабую, абори остановился. Посмотрел на меня – и голову вдруг продуло насквозь ледяным ветром. В пустом черепе задребезжал ссохшийся шарик мозгов.

Угроза была устрашающе достоверной. И главное – вполне обоснованной. Высушить мои мозги для абори – секундное дело.

Впрочем, он понимал, что от ругани до выстрелов в спину – дистанция огромная. Развернулся и вновь зашагал к лесу. Я стоял, только теперь осознав, что сжимаю голову руками – то ли в бесплодной попытке прикрыться от иллюзии, то ли пытаюсь подогнать череп под новые размеры мозгов.

Как он меня... паршивец...

Абори уходил. Я откупорил флягу и медленно вылил на землю остатки воды. Слишком мало, чтобы заинтересовать туземца. И самое смешное – она ничего не стоит. Воды на планете много, две артезианские скважины обеспечивают городок полностью. Есть и реки, и озера, и болота.

Просто иногда абори считают разумным сменить на литр воды выращенную в собственном теле оранжевую жемчужину.

Они хорошо устроились, абори. Никто не станет ссориться с существом, владеющим телепатией и способным излучать микроволны. Тем более что отобрать спрятанную жемчужину невозможно – в трупе она растворится в доли секунды. Тем более что другие абори все равно выследят убийцу – и поджарят живьем. А если он покинет планету – убьют самого близкого ему человека. Как они выбирают самого близкого человека – неизвестно. Но они не ошибаются. Так поступили с сыном Дина Рассела, человека, отобравшего у абори «Плазменный цветок». Никто не знает, почему он убил туземца, вместо того чтобы отдать флягу, – вода у него была. Но он оплатил за жемчужину выстрелом, удрал с планеты – а к вечеру того же дня абори пришли в городок. Полосу заграждений они прожгли – с тех пор высоковольтный забор не восстанавливают. Вошли в город – никто не рискнул преградить им дорогу. Все думали, что они схватят жену Рассела – а туземцы взяли его сына. Только священник пытался что-то сделать. Бегал со своим крестом, кричал. А туземцы повторяли: «Одумайтесь... невинный... гнев Божий...» и тащили парня на площадь.

Там его и сожгли. Вмиг, без лишней жестокости. Был человек, стала высушенная изнутри оболочка.

Несколько человек схватились за оружие, но вовремя почувствовали, что абори готовы повторить фокус и с ними.

А потом два десятка абори направились к людям – и протянули оранжевые жемчужины. Нет, не в качестве компенсации. Они предлагали обмен. Напоминали, *как* он должен проходить.

И рядом с мумией семнадцатилетнего парня, имевшего несчастье быть сыном Рассела, люди молча отстегивали фляги и отдавали их абори...

...Я смотрел на последние капли воды, срывающиеся с горлышка. Потом бросил флягу и ударил каблуком. Пластик смялся, но выдержал. Я топтал флягу, пока не отбил пятки.

Пластик оказался прочнее, чем я.

Уже совсем стемнело, багровое солнце скрылось за горизонтом, проступили звезды. Я подошел к посту – круглому, вросшему в бетон куполу, утыканному маленькими башенками боевых систем. По уставу купол должно прикрывать силовое поле, все входы-выходы – наглухо задраены, а меня, прущего напрямик по взлетному полю, уже три раза предупредили бы и раз пять сожгли.

Хорошо, что мы живем не по уставу. Хорошо, что у нас такая мирная и спокойная планета.

Ведь даже абори никогда не причинят вреда человеку – кроме как в порядке самообороны. Они не злые. Просто совсем-совсем чужие...

У открытой двери купола, подложив под задницу зачехленный ракетник «Сальери», похожий размерами и формой на школьный ранец, сидел Денис Огарин. У меня даже настроение улучшилось – чуть-чуть. Денис помахал мне рукой, потом демонстративно устался на флягу. Точнее – на то место, где она должна была висеть.

– Тебя можно поздравить, парень?

Денис всего на пять лет старше меня. А в свои двадцать я с удивлением понял, что обращение «молодой человек» или «парень» – уже не совсем ко мне. Но Денису позволительно называть меня парнем, юношей, мальчиком, дитем – кем угодно. Десять лет назад он вышел из стен кадетского корпуса на Терре. И с тех пор в космопехоте. Уже старший лейтенант. Повидал почти всю Империю, да и за пределами бывал.

– Надо мной можно смеяться, – хмуро сказал я. Присел рядом – на ранце-ракетомете места не хватило, да и не улыбалось мне сидеть на субатомных зарядах, это только космопехам банк спермы оплачивает государство. В двух словах рассказал о произошедшем.

– Смеяться не буду, – сказал Денис. Порылся в кармане, достал трубку и табачок. – Смеяться стоит над теми, кто еще не безнадежен. Чтобы поняли. А ты – безнадежен.

Я молчал.

– Лешка, я тебе рассказывал о законах удачи?

– Рассказывал. Сто раз.

– Так вот, мой юный друг. – Денис методично утрамбовывал табак, даже не глядя на меня и не обратив никакого внимания на ответ. – Главный из этих законов – ты должен быть готов к удаче. В любой момент. Если даже сидишь на стульчаке, то это не отменяет необходимости вскочить и со спущенными штанами побежать за ней вслед.

– Денис...

– Что? Ты не выглядишь таким уж изможденным. Ты ушел из поселка вчера утром. Без воды можно спокойно просуществовать трое суток. Какого дьявола ты раскупорил обменную флягу?

– Хотелось пить.

– Тогда не жалуйся. Ты утолил жажду, и тебе стало хорошо. Правда, ты упустил свой единственный шанс выбраться из этой дыры. Но всегда приходится чем-то жертвовать.

Он был прав, во всем прав, и на снисхождение рассчитывать не приходилось.

– Не говори никому, – попросил я.

– Хорошо. Только ведь ты сам всем расскажешь. Не выдержишь. Напьешься этим вечером и будешь плакаться приятелям. Добавишь к своим прозвищам еще одно, новенькое.

Я молчал.

– Алексей, я тебя знаю пять лет. – Денис обнял меня за плечи. – И ты знаешь, что характерно? При первом взгляде ты кажешься человеком чрезвычайно способным и удачливым. Даже зависть берет, хорошая такая... добрая. Сильный, умный, талантливый юноша. Самородок с фронта. Это ведь правда, что в десять лет тебе предложили поступить в художественное училище на Терре? На государственный кошт?

– Да.

– Ты расплакался, отказался улетать, еще пару лет лепил свои статуэтки, потом забросил.

– Это не мое, Денис! Ну какой я художник, какой скульптор? Повезло случайно, победил на этой дурацкой выставке, и что?

– Дурачок. Да пусть это трижды не твое! У тебя был шанс выбраться отсюда. И куда – на Терру! Понимаешь? Пусть бы тебя отчислили через месяц за лень и бесталанность, все равно государство брало на себя ответственность! Отправлять тебя обратно стало бы дороже, чем воспитать до совершеннолетия в метрополии! И не говори, что ты этого не понимал! Даже в детстве!

– Понимал.

– Вот так. Потом – тебе было уже восемнадцать, верно? Когда здесь вербовали в космопехоту? Прошел бы по всем статьям, поверь мне.

– Я хотел!

– Хотел. И сломал руку перед самой медкомиссией.

– Это не моя вина.

Денис попыхтел трубкой, глядя на разгорающиеся огни городка. Самые яркие были в здании клуба. Прав он, сейчас я туда и отправлюсь, напьюсь и всем расскажу о своем позоре...

– Я и не утверждаю. Просто есть те, кто ловит удачу за хвост. А есть те, к кому она приходит – а ее не замечают. Ты из их числа. Уж извини.

– Это просто невезение.

– Да! Да, Алексей! Просто невезение. И оно тебя любит. Ты посмотри на себя... двадцать лет прожил в дыре, на планете, где и пяти тысяч населения не наберется. Занимаешься черт знает чем! Бродишь по лесам в надежде, что кто-то из аборигенов подарит тебе кусочек своих фекалий...

– Жемчуг – не фекалии!

– Допустим. Хоть почечные камни. Какая разница? И уж если начистоту... никакой ценности в нем нет. Украшение, случайно вошедшее в моду. Вот пройдет окончательно спрос на жемчуг – и на вашей планете поставят жирный крест. А знаешь, как это может случиться? Напишет модный репортер статью о том, что оранжевый жемчуг добывают из кишок уродливых туземцев, а цена ему – литр воды. И все! Богатые бабки поскидывают с себя жемчуга. Он ничего не будет стоить.

– Денис...

– Леша, я пять лет здесь торчу. Мы, может, и не друзья уже, но ведь хорошими приятелями остались? – Денис ухмыльнулся. – Позволено ли мне будет сказать тебе правду? Ты ухитришься из самой выигрышной ситуации выйти с наибольшими потерями.

Я вскочил. Денис пожал плечами.

– Чего ты добиваешься? – спросил я. – А?

– Мне подписали рапорт, – спокойно ответил Денис. – Пора лепить капитанские звездочки на погоны. Послезавтра я улетаю.

– Куда? – тупо спросил я, будто это было важным.

– На переподготовку. За пять лет я отстал серьезно... но попробую наверстать. А потом в регулярные части. – Денис искоса глянул на меня. – Видимо, на границе растет напряженность. Так что... тебе не с кем будет советоваться и некому плакаться в жилетку.

– Не плакался я тебе и не собираюсь! – крикнул я. – Проваливай! Может, кого получше пришлют!

– Да никого не пришлют, Алексей. Гарнизон опять сокращают.

– Меньше дармоедов, – огрызнулся я. – Прощай.

– Пока, Лешка.

Я шел от поста – почти бежал, а свежееиспеченный капитан Денис Огарин сидел на ракетном ранце, на котором сидеть совсем не рекомендуется, и пыхтел трубкой. Ему осталось прожить всего два дня на моей планете, и он был этому рад.

А мне, наверное, предстоит тут прожить всю жизнь. Еще лет сто. Вот только чем они будут отличаться от прожитых двадцати?

* * *

– Может быть пива, Алексей?

– Нет, дядя Гриша. Коньяка.

Трактирщик Григорий и впрямь приходился мне дядей. Правда, троюродным. У нас слишком маленькая колония, почти все друг другу родственники – дальние. Поэтому на родство обращают мало внимания, разве что на прямое, мать – сын, брат – сестра...

Но Григорий Кононов, бывший солдат Империи, списанный по ранению, бывший городничий, ушедший с поста по собственной воле, бывший миллионщик, разбогатевший на «Звезде полуночи», но просадивший почти все состояние за полгода, был мне достаточно близок. Одно время он немного помогал нам – когда отец уже погиб, а мама еще боролась за жизнь. Я не то чтобы его любил, уж слишком часто дядя говорил колкости, но относился с большой симпатией, и это было взаимно.

– И что у тебя стряслось? – Григорий молча налил мне коньяка, причем более дорогого, чем заслуживали мои жалкие кредитки. – Какое горе топим?

Я молча выпил, краем глаза наблюдая за трактиром. Народу пока собралось немного. Кто-то играл в лапту и городки в спортивном зале, кто-то резвился в бассейне – все это можно было наблюдать сквозь две стеклянные стены трактира, выходящие внутрь клуба. Две другие стены были бревенчатыми, как принято в трактирах.

– Предложили жемчужину первой величины, а у тебя воды не нашлось? – предположил дядя Гриша. Я растерянно посмотрел на него. – Что, и впрямь?

Сидевшие рядом стали с любопытством поглядывать на меня. Их ожидания оправдались. Уже через десять минут я, подтверждая прогноз Огарина, рассказал всю историю.

Кононов присвистнул и налил мне полный бокал. Еще более дорогого и качественного коньяка.

– За счет заведения. Все равно ты напьешься, так позволь сделать твое похмелье менее тяжелым. Ничего, Леша, бывает.

Я кивнул. Меня уже сочувственно хлопали по плечам, говорили о том, что всяко бывает, и удача все равно придет. Начали вспоминать истории о том, как, отказавшись от мелкого жемчуга, старатель вскоре купил большой, как абори приходили к одному и тому же человеку день за днем, принося все более крупные жемчуга... Пошел нормальный, успокоительный треп, когда вместе с искренней симпатией (все мы тут свои, и все в общем-то люди добрые) угадывается и доля насмешливого облегчения. Не я! Не я сделал эту глупость – читалось в лицах.

Пил я много, но совершенно не пьянел, видно, с горя. А может, с дорогих коньяков, от которых лишь теплело внутри, но соображение не терялось. Только когда встал с высокого крутящегося стула и ноги стали разъезжаться, я понял, как набрался.

– Эх, отяжелел, Лешка, – подхватывая меня, сказал Ромка Цой, мой ровесник, парень худощавый, но жилистый, под стать корейским предкам. – Пропойца...

Сказал он не со зла. И никто бы не обратил внимания на слово, если бы не мой недавний рассказ...

– Лешка-пропойца, – вздохнул кто-то. Имелось в виду уже не опьянение, а постыдная история с обменной флягой.

И выходя вместе с Ромкой из бара, я понял, что кличка приклеится насмерть. Вместе со «скульптором», «дезертиром», «проводником» и прочими насмешливыми эпитетами, за каждым из которых стоял тот или иной позор.

Капитан Огарин вновь оказался прав. Во всем.

– Ромка, почему я... почему я такой? – заплетающимся языком спросил я.

– Сейчас свежим воздухом подышишь, пройдет, – миролюбиво ответил Ромка.

Мне стало смешно.

– Да не... кореец, ты дурак... я не о том...

Ромка только пыхтел, выволакивая меня из клуба. Городская малышня, резвившаяся в бассейне, хохотала. Шедший навстречу отец Виталий, наш новый священник, недавно принявший сан, неодобрительно нахмурился. Но вежливо промолчал, достал сигаретку с марихуаной и сделал вид, что весь ушел в поиски зажигалки.

Я вдруг подумал, как часто в последнее время люди при встрече со мной отводят глаза.

– Во, сейчас протрезвеешь, – сказал Ромка, сгружая меня на скамейку у входа. Хорошо хоть никого на улице – кто в клубе, кто по домам сидит. Большинство в клубе, конечно... – Ничего, Лешка, не грусти...

– Да не грущу я!

Ромка вздохнул, уселся рядом. Добродушно сказал:

– Это правильно. Грустить нечего. Со всяким бывает. Может, тебе жениться?

– Что? – Я не уловил связи.

– Знаешь, умная жена... – Он замолчал, сообразив, что ляпнул лишнее. Но было поздно.

– Общее мнение? – спросил я. Ромка удивленно глянул на меня – до него дошло, что я трезвее, чем выгляжу.

– Да. Общее. Ты уж не обижайся, но тебе и впрямь пора остепениться.

Сам он был женат четыре года, у него росли двое малышей, причем старший уже гордо таскал на поясе обменную флягу. И в городке Ромку уважали.

– Ты пойми, Леша. – Ромка посмотрел на меня с некоторым смущением. – Все мы тебя любим. Ведь в чем наша православная сила? В любви, в единении! Не только быть хорошим человеком, а еще и хорошим членом общины. И за тебя душой все болеют, поверь. Когда ты очередную глупость делаешь, может, кто для виду и посмеется, но по правде-то душа за тебя болит! Когда человек один, он – тьфу... – Ромка шлонул под ноги, растер плевков, – ничего не стоит! И себе в тягость, и общине. Может, тебе и впрямь нужен кто-то рядом, а без того – сплошные неудачи?

– И кого мне община сватает? – спросил я.

Ромка смутился. Но выбраться из разговора было уже не так-то просто.

– Ольгу Нонову.

Я не сразу нашелся, что ответить:

– Ольгу Петровну? Ромка... в первом классе все мы были влюблены в училку! Но ведь ей уже за сорок! Далеко за сорок!

Слава богу, он не сказал про «сорок пять» и «бабу – ягодку опять». Молчал, отведя глаза. Я переваривал услышанное. Значит, в городе меня считают настолько неисправимым лоботрясом, что, кроме пожилой учительницы, чопорной и самовлюбленной, по возрасту годящейся мне в матери, никто не способен обо мне позаботиться.

О том, что я способен о ком-то позаботиться, речи не шло вообще.

– Улечу я, Ромка, – сказал я. – Куда угодно. В приграничье, на рудные планеты. Не могу я больше так. Бродить, ждать, пока абори предложит тебе кусочек фекалий...

– Жемчужины – не фекалии! – оскорбился Роман. Он был старателем неутомимым и довольно везучим.

– Да хоть почечные камни, – злорадно повторил я слова Огарина. – Это же безумие! Жить, надеясь, что выпадет удача, и тебе подарят никому не нужный кусочек чужой плоти! Что вспоминать будешь, когда время умирать придет? Как с флягой по джунглям бродил?

Ромку проняло. Мы были добрыми приятелями, но сейчас я перешел грань. Он встал, склонился надо мной.

– Умирать не тороплюсь! И на омоложение заработаю! Да хоть сейчас помирать, найду что вспомнить – сорок три жемчужины свои, жену, пацанов! А ты, Лешка, что вспомнишь? Детские свои скульптурки? Кстати, из чего ты их лепил, обличитель? Вот они-то... как раз... Если бы на Терре настоящие художники знали... в руки бы их не взяли!

Я молчал. Потому и перестал, чего уж скрывать. Как узнал, что такое на самом деле попадающиеся в лесах янтарные кругляши, из которых так интересно вырезать – вырезать, а не лепить – красивые, сверкающие под солнцем статуэтки... так сразу и перестал резьбой баловаться.

– Беспутный! – жестко сказал Роман. – Может, собрать тебе общиной денег на билет? Ты же сам никогда не заработаешь, тебя и так всем миром содержат!

Я вскочил – земля под ногами качнулась, но я устоял и быстро пошел прочь от клуба. Алкоголь будто перестал пьянить, видно, слишком много адреналина выплеснулось в кровь. Ромка, который горячился редко, а остывал быстро, замолчал и неуверенно крикнул вслед:

– Эй, да перестань ты, на правду не обижаются!

Не останавливаясь я шел вперед, к кромке поля. Да, да, я хочу убраться отсюда! Я всю жизнь об этом мечтал! Но не мог же я, пацан, улететь на сказочную, великую, древнюю Терру, когда болела мать! И с этим проклятым набором волонтеров... ну не хотел я руку ломать, кто ж такое захочет, я себе тренировку устроил, решил показать все, на что способен, комиссии, а тут...

И сегодня. Шла в руки удача, шла жемчужина огромной цены. Сдал бы ее в контору, получил чек... и через неделю, на туристическом лайнере «Афанасий Никитин», что раз в полгода останавливается у планеты, отправился бы в метрополию.

А теперь – конец. «Всем миром на билет» мне не скинут, это уж точно. Вместо того придет батюшка Виталий, выпьет со мной или травки покурит, если пост, посмотрит укоризненно в глаза, начнет говорить о Боге, о судьбе, о том, что я своим безалаберным поведением огорчаю Господа, что последствия – духовные – для меня будут очень прискорбны. И не замечу, как пойду под венец с пожилой, толстенькой, занудливой Ольгой Петровной...

Я пришел в себя, оказавшись на краю взлетного поля. Было совсем темно, и в ночном небе вспыхивали, чиркали, сгорали и тухли звезды. Ну, не звезды... падающие звезды. Наша планета окутана пылевым облаком – из-за него настоящих звезд мы никогда и не видим. Зато каждый миг над головой сгорают тысячи микрометеоритов. Говорят, настоящие звезды точно такие же, только они не мерцают, горят ровно и спокойно. Говорят, что наше звездное небо красивее обычного. Потому и приезжают иногда туристы – провести одну ночь, потанцевать и выпить под мерцающим шатром...

Не знаю.

Я хотел бы увидеть настоящие звезды.

Я хотел бы летать от звезды к звезде. Пройти по планетам Приграничья, посетить Терру. Кем угодно там быть! Хоть золотарем! Но не в нашей дыре! Господи, пусть не верю я в тебя, не верю, но молю, помоги вырваться отсюда! В настоящий, огромный мир, где можно стоять под небом, в котором горят звезды, а не межпланетный мусор! Где происходят настоящие дела!

– Лешка!

Из темноты возникла фигура в форме. Я узнал Дениса – почему-то он был при полном параде, даже три своих ордена нацепил. И звездочку на погоны уже добавил...

– Так и знал, что это ты шатаешься... – уже потише сказал он, подходя. – Все-таки военная территория, приятель!

Я молчал.

– Или я выбыл из разряда тех, с кем ты разговариваешь? – полюбопытствовал Денис.

– Нет... – выдал я. – Извини. Ты был прав... во всем.

– Надо же. – Огарин развел руками. – Ты признаешь... – Он замолчал, подошел ближе, взял меня за руку. – И ты меня извини. У тебя неприятность случилась, а тут я со своими нравами. Не держи зла.

– Мир и любовь, – ответил я. Надо же, способность шутить еще не атрофировалась!

– Да, кстати... мир и любовь... У тебя водичка есть?

Я отстегнул с пояса новую флягу, рефлекторно прихваченную из трактира, молча подал Денису. Тот глотнул, снял фуражку и вылил остатки воды себе на голову. Задумчиво сказал:

– Красиво... все-таки мне будет не хватать вашего неба... Держи!

В его ладони лежала жемчужина. Чуть поменьше той, что я проворонил днем. Но все равно – большая.

– Я глянул по справочнику – должно хватить на билет в метрополию, – сказал Денис. – Бери.

– Нет.

– Что? – Огарин удивленно посмотрел на меня. – Эй, Лешка, привет! Это я! Я взял у тебя флягу воды, а взамен даю эту самую жемчужину. Какая разница, человек предложил обмен или абори?

– Большая. Абори не знают ей цены.

– Не хотят знать. И я не хочу. Все равно продавать бы не стал, увез как сувенир. Какого черта... лучше тебе помогу. Бери!

– Откуда она у тебя?

Денис фыркнул.

– Оттуда, откуда и у всех. Я ведь дежурю на посту. Гоняю туземцев, если те забредают на взлетное поле. А они иногда протягивают мне жемчуг. Зачем обижать отказом ходячие излучатели? Вот откуда жемчужина. И она не единственная, кстати.

– Нет.

– Почему, скажи на милость? Бьют – беги, дают – бери!

– Денис, ты прав насчет судьбы. Не умею я пользоваться ее подарками.

– Так вот он тебе, подарок! Пользуйся!

– Денис, это...

– Что – «это»? Что?

Минут десять мы переругивались. Денис пихал мне в руку жемчуг, а я не принимал его. Я не мог сформулировать, почему не должен был брать жемчуг. Не знал этого сам. Но – не брал.

– Лешка. – Денис наконец-то понял, что меня не переспорить. – Ну в чем дело? Ты говоришь – я прав. Так вот она, судьба!

– Это не судьба.

– А что же тогда?

– Жалость.

Огарин сплюнул. Уже совершенно спокойно спросил:

– А когда будет судьба?

– Я ее узнаю.

– Может, ты и прав, – неожиданно заметил он. – Никогда не верь в подарки судьбы. Если не приходится вырывать их зубами – они не вкусные. Молодец, Лешка... Чему-то я тебя научил... все-таки.

Засунув руки в карманы, нахохлившись, он стоял передо мной, разом утратив свой бра-
вый и всегда уверенный вид. Смотрел в искрящееся небо – наверное, для него это зрелище и
впрямь необычное, раз никогда не упускает случая полюбоваться.

– Красиво, – осторожно заметил я.

Огарин пожал плечами.

– Да я в общем-то не люблюсь. Пытаюсь найти корабль.

– Какой корабль?

– Яхта класса «Рикша». Час назад запросила разрешения на посадку. Думаешь, чего я
тебя искал на поле? Броди... мне-то что. Но попадешь под откатный луч двигателя – мало не
покажется.

– Яхта, – повторил я. В наших краях это была еще большая редкость, чем земной транс-
портник или круизный лайнер. Обычная яхта, конечно, если к ним применимо слово «обыч-
ная», нуждается в регулярном и сложном обслуживании. А до ближайшего по-настоящему
развитого мира – почти двадцать световых. – Что это за модель, «Рикша»?

– Не знаю. Их сейчас много развелось. Может, развалюха, а может, летающий дворец.

– Скоро будет?

– Через полчаса. – Огарин достал трубку. – Или чуть раньше.

– Наверное, на дозаправку или ремонт идет, туристы загодя предупреждают, – предпо-
ложил я. – Можно мне посмотреть?

– Да смотри, мне-то что.

Мы стояли, глядя на зачирканное метеорами небо. Углядеть в нем корабль – почти невоз-
можно. И все-таки было что-то завораживающее в этой безумной попытке – среди тысячи сго-
рающих звезд разглядеть одну, живую.

– Помнишь, как мы познакомились? – спросил вдруг Денис. – Точно так же. Ты выбрался
на поле поглазеть на какой-то корабль.

– Помню. Ты меня еще чуть не пристрелил.

– Ага. Ну что ты хочешь, я же третий день был на планете. К вашей безалаберности еще
не привык. На Ханумаи мне дали бы отпуск за пристреленного нарушителя.

– За пристреленного мальчишку.

– Без разницы. Режим космопорта – это режим. Брось, Лешка. Кто старое помянет...

– Угу.

Огарин похлопал меня по плечу.

– Знаешь, буду я скучать, наверное. И без вашего сумасшедшего неба, и без этих при-
дурков-абори. И без тебя тоже.

– Без меня, придурка.

Капитан тихо засмеялся.

– Злись. Только не на меня злись, такая злость – бесплодна. На себя. Всегда и во всем.
Чтобы ты ни сделал неправильного – злись на себя. Это иногда помогает.

– Корабль, – сказал я.

– Где? – Огарин вновь задрал голову.

Я соврал ему. Не потому даже, что хотел прервать поток нравоучений. К ним я привык,
да и говорил Денис большей частью правильные вещи.

Мне просто захотелось тишины.

Это смешно, наверное. Вот только Денис для меня был другом, настоящим другом. Я это
только сейчас сумел понять. Все остальные, ну, даже те, с кем я времени проводил в десять раз
больше, они были наши, местные. Я их знал как облупленных, и они меня тоже. Это все-таки
не совсем дружба, когда выбирать не приходится. С Денисом мы подружились после того, как
он десять минут продержал меня на прицеле, а я позорно разревелся. И виделись-то не очень

часто, он вечно был занят, старший офицер гарнизона из двадцати человек, а мне надо было шастать по лесам и обихаживать абори.

Но он был моим другом. Теперь его не будет рядом. Останется наш маленький поселок, останется гарнизон, останется это рассыпающееся под ногами взлетное поле, и миллионы сгорающих в небе звезд пеплом лягут под ноги. Денис улетит к новому месту службы, а я еще месяц-другой поругаюсь с общиной, а потом пойду к напوماженной Ноновой с букетом алых роз.

– И впрямь корабль, – удивленно сказал Денис. – Как ты разглядел? Таких талантов не замечал.

Я удивленно посмотрел в небо. Да. Точно. Красная точка, на первый взгляд неотличимая от тысяч других, никак не собиралась гаснуть, да и двигалась ощутимо медленнее.

– Идет на плазменных, до посадки минут пятнадцать – двадцать. – Капитан покачал головой. – Нет, ты и впрямь молодец! Как углядел?

Ощущение было дурацким.

Мне всегда хотелось, чтобы он меня хвалил. От родителей доводилось иногда слышать слова одобрения. От него – никогда или почти никогда. Не за что было. Да и сейчас, если честно, не за что.

– Никак, – сказал я. – Не видел я корабля. Просто так сказал, наудачу.

Огарин хмыкнул.

– А может быть, и это – хорошо?

– Чего ж хорошего?

– Удача, хоть кусочек удачи. Пропадешь ты тут, Лешка. Точно пропадешь.

– У нас планета мирная, добрая. У нас только негодяи да бездельники пропадают.

– Лешка, пропасть можно по-всякому. Даже оставаясь живым и здоровым, с хорошенькой женой, здоровыми ребятишками и приличным счетом в банке. Для некоторых – не это главное.

– Для тебя, например?

– Ага, – с удовлетворением ответил Денис.

– Ты потому пошел в космопехоту?

Огарин усмехнулся:

– Да я ведь тебе не рассказывал никогда. Теперь можно, пожалуй.

– Что, достаточно для этого вырос? – иронично спросил я.

– Не в том дело. Да. Пожалуй, тебе это нужно услышать. Я ушел в космопехи, потому что моя сестра была дурой.

– Чего?

Мне сразу представилась картина – обиженный злой старшей сестрой Денис собирает вещи в котомку, ворует у родителей кредитку и зайцем летит на Терру.

– Моя сестра была дурой, – повторил Денис. – Мы с ней были двойняшками. Ну, тут все понятно. Драки на подушках, секреты, ябедничанье родителям. А еще она всегда боялась, что ее изнасилуют. Наверное, ей этого подспудно хотелось. Дружка надо было завести, но она комплексовала и боялась. Я же с Милости Господней, слышал?

– Да.

Мне стало не по себе. Денис явно собирался рассказать что-то, не предназначенное для чужих ушей. Но отказаться слушать тоже сил не было.

– Порядки у нас строгие были. Куда строже ваших, православных. Император это терпел. Но после мятежа фундаменталистов направил десант.

Голос у него был ровный-ровный. Лучше бы он злился, когда все это рассказывал, или переживал.

– Наша семья не участвовала в мятеже. Но когда на столицу свалились с неба три тысячи десантников, они разбираться не стали. Вся наша гвардия полегла за полчаса. С именем Бога на

устах удобно разводите костры на площадях, а не воевать. Успели чуть-чуть потрепать десант, и тот остервенел. Нас отдали во власть победителей, на сутки. Закон войны. Неофициальный. Родителей я просто больше никогда не увидел, десант высадили, когда они уехали на рынок, за продуктами. Что с ними случилось, пуля от наших, луч от имперцев, обрушившаяся стена, запаниковавшая толпа... Не знаю. И никогда уже не узнаю. Мы сидели с сестрой вдвоем, нам тогда было по двенадцать лет. Понимали, что в дом заглянут, он стоял в самом центре, рядом с собором Святого Дениса, в чью честь нас и назвали, богатый и пышный дом. Потом мы увидели, как через сад идет офицер в броне, услышали визг Антуана – нашей мутированной гориллы-охранника. Сестра всегда мной командовала. Велела спрятаться – примитивно так, под кроватью. А сама натянула шортики и блузку посексапильнее, даже не стесняясь, хотя уже год, как при мне не переодевалась. Сказала, что ее обязательно изнасилуют, а дом разграбят. Но зато мы уцелеем. Она была красивая девочка и физически развитая. Еще я думаю, что ей хотелось быть жертвой. Именно такой, маленькой невинной жертвой войны и моей спасительницей. Я лежал под кроватью, старался не дышать, смотрел на ее лодыжки в белых колготках. Я был трусоват. Что уж тут. И знаешь, я ведь сразу ей поверил, что так все и произойдет.

Денис очень естественно рассмеялся.

– Я возбудился, представляешь? Боялся за себя, за Денизу переживал, а в уголке души – хотел увидеть, как это бывает. Что-случается-в-кино-после-поцелуя... ты не забывай, ведь Милость Господня тогда была очень пуританской планетой.

Мне было не по себе. Я понять не мог, зачем Огарин вдруг выворачивает передо мной душу, вместо того чтобы мирно встречать сажающуюся яхту.

– Офицер вошел в ее комнату, – задумчиво сказал Денис. – То ли услышал что-то, то ли у него был детектор органики.

– Он... – не удержался я от вопроса, потому что капитан вдруг замолчал.

– Нет. Он не стал ее насиловать. Может быть, у него уже не стояло, ведь с захвата города прошло часа три. Может быть, он предпочел бы увидеть меня на месте сестренки. Может быть, не хотел рисковать, снимая броню. А может быть, офицер был моральным и честным человеком, который не собирался так гнусно поступить с маленькой девочкой.

– Скотина ты – сразу не мог сказать, – выдохнул я.

– Не мог. Так вот, офицер Денизу не изнасилвал. Просто выстрелил, очень точно и гуманно, в голову, в лоб. Я увидел вспышку, потом у нее как-то странно выгнулись ступни, короткой судорогой, и с ноги слетела туфелька. Дениза упала, ее лицо оказалось рядом с моим, глаза раскрытые и удивленные, я тогда не знал, что у мертвых они всегда удивленные, и во лбу – крошечное черное пятнышко. Лазерный луч оставляет слабый след, а что мозги вскипели – видно не всегда.

– Зачем? – закричал я.

– Что зачем?

– Зачем он это сделал?

– Да чтобы не оставалось свидетелей, – удивленно ответил Денис. – Разве непонятно? Он сразу увидел, что в особняке найдется чем поживиться. И маленькая свидетельница разбоя никак не укладывалась в его планы. У сестры на шее было ожерелье, не ее, мамино, даже не знаю, когда она его надела и зачем. Видимо, чтобы быть привлекательнее. Офицер присел, порвал застежку, снял ожерелье, а меня так и не заметил. А я не увидел его лица. Только эмблему на перчатке – улыбающаяся мальчишечья рожица в пилотке набекрень. Кадетское училище. Он еще забрал со стола шкатулку с украшениями Денизы, но они были дешевыми, обычная бижутерия, потом шкатулку нашли выброшенной в саду. И так, наверное, тяжело было все тащить. Я пролежал под кроватью до следующего вечера. Лицом к лицу с сестрой. Меня оттуда вытащили полицейские из временных сил поддержания порядка, когда десант уже покинул город. Объяснили, что родители пропали, сестру убили мародеры из числа фун-

даменталистов, но теперь порядок восстановлен. Психологи со мной возились полгода. Кое-что еще было на счетах, и они старались. Я сказал, что все так и было. Я тоже старался. Объяснил, что хочу пойти в десант, который так доблестно нас спасал от бандитов. Что отказываюсь от наследства, от особняка, серебряного рудника в горах, чайной плантации. Все подписал. Это очень понравилось администрации. Мне дали документы, что родители погибли в боях с мятежниками, все такое прочее, рекомендацию от имени правительства переходного периода и отправили на Терру. Через месяц я поступил в кадетское училище, и на моем рукаве появилась нашивка – детская рожица в пилотке наперекосьяк.

– Ты решил отомстить? – спросил я.

– Конечно.

– Это был курсант?

– Нет, взрослый. Кто-то из офицеров-преподавателей. Училище отправили на мятеж в полном составе, ведь понятно было, что сопротивления сильного не будет, а волчатам надо остричь зубы.

– Ты убил его?

Огарин посмотрел на меня – с прежней веселой и снисходительной насмешливостью.

– Лешка, в училище три тысячи человек личного состава. Большинство посетили Милость Господню. Я искал. Караулил. Подслушивал. Но таким не хвастаются – когда кончается война. Там были подлецы – но вот они как раз не попали в десант. И я решил, что взорву училище. Полностью. Захвачу арсенал, и... Маленький я был и уверенный в себе. Знаешь, у меня бы получилось. Я очень старался. Я помнил глаза сестренки, такие удивленные глаза. Вот только когда я действительно смог бы захватить арсенал, кроме одного врага, у меня был не один десяток друзей. Даже среди тех, кто топтал мой город.

– Ты его не нашел?

– Нет. А ведь наверняка его видел. Отдавал ему честь. Хохотал, когда он шутил на занятиях. Прижимался к груди, когда было тоскливо, и хотелось ласки: они там все хорошие психологи и знают, что даже волчатам нужна нежность. Я видел его глаза, но не знал, кто он. Так вот все и случилось. Я покинул свой уютный тихий мирок и отправился странствовать по большому миру.

Корабль был уже совсем низко. Садился он где-то в километре от нас, садился красиво, пританцовывая в воздухе, без той неуклюжей мощи, что свойственна грузовикам и лайнерам. Яхта жила в небе, была его частью, будто одна из падающих звезд вдруг превозмогла судьбу и научилась не падать – летать.

– Зачем ты мне рассказал эту историю? – спросил я. – Пять лет не рассказывал, и вдруг...

– Чтобы ты знал, Алексей, на что похож тот большой мир, куда ты так рвешься.

– Денис, я же сказал, подарок твой – не возьму! И тот большой мир мне не светит! Только во сне. Я скоро на Ольге Ноновой женюсь и стану достойным членом общины!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.